

Леонид МАРЯГИН **Восьмая казарма**

На пригородном дизеле из Орехово-Зуева я ехал в Москву завоевывать кинорежиссуру, а для начала – ВГИК. Какой багаж был при мне, не считая фибрового чемоданчика, где уместились бритвенный прибор, майка, трусы и носки, полотенце, мыло и общая тетрадь в черном колленкором переплете, куда я собирался заносить новые и, как мне думалось, яркие впечатления.

Остальной груз багажа располагался "под черепной коробкой" и делился на две далеко не равные части. Одна часть – то, что называется – "на предъявителя": некоторое знание нашей литературы. И зарубежной – меньшее, на что имелись свои объективные причины: кроме Драйзера, Мопассана, О'Генри, Говарда Фаста, Джека Лондона до нашего текстильного города никто из иностранцев не добирался. Изобразительное искусство с детства смотрело на меня с облупленных стен нашей комнаты в коммуналке – отец привозил из Москвы и развешивал репродукции Архипова, Малаявина, Левитана. До сих пор стоит перед глазами малявинский цветовой вихрь! Да и во дворце культуры текстильчиков в читальном зале выдавали на руки альбомы по нашему и зарубежному ИЗО.

Другая часть багажа была моей тайной. Я боялся ее разглашения, считая такой поворот событий гибельным для осуществления моей мечты. И ни словом, ни намеком не обмолвился о том, что знаю в этой "тайной" области. Меня спрашивали на экзаменах сколько стоит батон, подозревая в "маменькином" домашнем воспитании, и никто не догадывался, что воспитала меня во многом восьмая казарма.

Расположена была эта самая казарма достаточно далеко от моего дома – две остановки очень редко курсировавшего автобуса. И привел меня в ее коридоры юбилей Пушкина. Не нынешний, а предыдущий. У нас в классе учился Генка по кличке "Коровник", по фамилии Клоков, обладающий на нашем фоне уникальным даром – очень лихо и споро лепил из глины.

Он вызвался повторить для школьной выставки все известные памятники Пушкина, а меня отрядили к нему в помощь разминать глину, как увлекающегося рисованием. Зачем нужны были мои "рисовальные" способности, чтобы месить в тазу холодную жирную глину, не знаю, но таким образом я попал на третий этаж этого центра районного бандитизма и хулиганства.

Уходя в очередной раз от Генки, застрял у широкого подоконника коридорного окна, на котором ребята – мои ровесники, а может быть, чуть постарше – играли в очко. Тут же, при мне, высадили проигравшего подростка, и он со словами, призванными закрыть огорчение, – "ничтяк, перебьемся", стал рядом со мной. Пока я внимательно следил за тянущими карты, он боковым зрением – я чувствовал взгляд – "исследовал" меня.

– Ты откуда взялся? – не признав меня, спросил подросток.

– К Генке приходил.

– К "Коровнику"?

– Ага.

– Рубль есть?

Я подумал и не соврал.

– Дай. Отыграться. Коровнику отдам. Максим меня зовут.

– Не отдаст, – заключил Генка после моей информации. И рассказал, что "Максим" – это кличка. Максимом звали старшего брата этого пареня, что старшего брата посадили за вооруженный грабёж 20-го магазина вместе со своей бандой, что была перестрелка с милицией, потом Максима били в отделении и один глаз его теперь не видит, что он сел надолго, а Витка получил кличку по имени брата, и его воры не очень уважают за трепливость, но терпят из-за отношения к брату.

Тем не менее рубль ко мне вернулся. – Ты! Держи рубль. Как тебя зовут? – Витка "Максим" банквал на подоконнике, когда через неделю увидел меня по дороге к "Коровнику".

– Ленка.

Он вытаскил из-за пазухи мятый рубль и протянул мне.

– А поставить не хочешь?

Я поставил гривенник и минут через двадцать просадил весь свой валютный запас.

– Дать займы?

Я взял рубль и скоро вернул свое да еще наварила рубля полтора.

– Иди, – не дал мне карты "Максим". – В очко можно не отыгрываться.

Мы подружился.

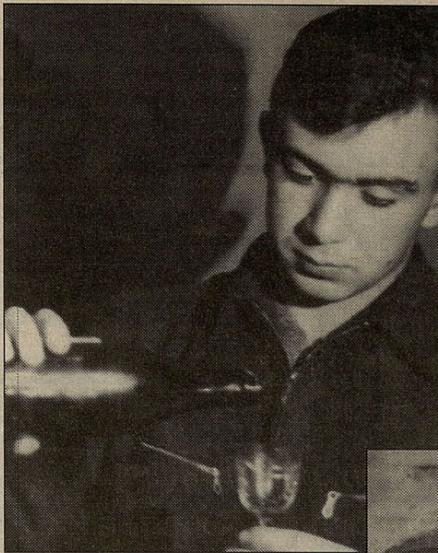
– Ты че, к "Коровнику" ходишь? У него же отец кулак. Из Рязани сбежал, корову держит и за молоко с больных людей тройне берет.

– Но это же не запрещено.

– А все равно он кулак, – и, заметив мою растерянность, предложил:

– Ну ладно, пойдём в лари, посмотрим, там сейчас в рамса по-крупному режутся.

Что такое "лари"? И что такое казарма? Не спутать бы ее читателю с армейской. Казармы фабриканта Саввы Тимофеевича Морозова, стоявшие в деревне Крутое, что было окраиной города, представляли собой продуманные жилищные комбинаты. Было их одиннадцать. Ка-

ждая со своим статусом и социальным адресом. Три – для служащих (так и звались – "служашка казарма"), остальные – для рабочих. Все – если смотреть сверху – буквой Т, причем перекладина длиннее опорной ножки. В перекладинах огромный коридор и на каждом из 4-х этажей комнат по восемьдесят, в "ножке" – междуэтажные чугунные лестницы, туалеты мужские и женские по десять очков, кухни с русскими печками на возвышенности, обнесенные деревянными галереями (в просторечии их звали "галдарейками") и через холодный тамбур – нетопленое помещение с деревянным ящиком-ларем (холодильником прошлых времен) на каждые две комнаты. А рядом с казармой – сарай, где тоже на каждые две комнаты одно отделение с цементной подвалом. (Хочешь – запасы овощи и соленья, хочешь – разводи кур и голубей).

В сороковые годы, о которых идет речь, лари, по сути в восьмой казарме не существовали: деревянные короба из-за недостатка жилплощади выломали, освободившееся помещение разгородили на клетушки, провели паровое отопление и заселили. Но называлось это место по-прежнему – "лари". В ларях у меня появились друзья и, главным образом, недавно освободившийся из лагеря, трижды сидевший Витя Хитрый. Ироничный, узкоглазый, он с удовольствием, уловив мой интерес к игре, научил колотить и резать карты, что очень помогло мне выигрывать в дрынку уже в округе моего дома на Кировском поселке – самой дальней окраине города.

Механика подмены колоды на мою резаную или колотую происходила так: участники игры сбрасывались на новую и поручали купить ее в ближайшей палатке крутящемуся рядом дворовому пацану. Пацан, заранее сговоренный мной, брал деньги и приносил мою колоду, идеально упакованную в пергамент. Мне оставалось только следить за рубашкой карточных листов и заявлять соответствующие ставки. Витя Хитрый некоторое время "держал" весь поселок и район, по субботам он ходил на танцы в Горпарк, и многие из городских блатных боялись стлкаться с ним даже взглядом. Но, неожиданно для меня, власть Хитрого кончилась – кто-то из вновь освободившихся с района Новой стройки доказал его связь с лагерным "кумом" – Витка подрезали, и он больше не выходил за территорию казармы, а если и появлялся в городе, то брел "по стеночке", боясь удара ножом сзади. Брат Хитрого – Комарик – приобрел в лагере хорошую специальность портного, а вместе с ней – стал "укольщиком". Он стоял грустно у окна в ларях и ждал клиентов с морфием вместо денег. Когда морфия не было – подделывал рецепты в аптеку и посылал отоваривать их свою мать.

Восьмая казарма воспитывала во мне самостоятельность. В школе на перемене возникла ссора – причины уже не помню – между мной и жителем одиннадцатой казармы "Перой", как звали Перышкина. Он сбежал домой за ребятами – я понял это, когда не увидел его на следующем уроке – и призвал избить меня по окончании занятий. Побегал в восьмую казарму и я. В школьном дворе появился Максим, его друг "Гаврош", Кулик и еще человек пять мне незнакомых. Ватага из одиннадцатой была тут же во главе с Перышкиным. Но кидаться друг на друга эти две команды не торопились.

– Вот этот, что ли, на тебя прет? – спросил меня Гаврош, рослый и ладный, чем-то похожий на популярный в то время киноперсонаж.

– Да, – он верно определил Перышкина.

– Ну, пошли домой, – скомандовал Гаврош друзьям и уже на ходу бросил мне:

– Ты думаешь, мы за тебя его уродовать будем? Сам попробуй! А не выйдет – тогда приди. Поможем!

Отрывок из книги "Иду на Вы"

– У меня в сарае рашпиль есть, – подсказал мне Максим.

Я забрал из сарая сапожный рашпиль и вышел поджидать "Перу" на дорогу из школы, благо вела она мимо восьмой казармы. Когда он вместе со своим приятелем поравнялся со мной, я вытянул его и заодно и приятеля рашпилем по шее. Они завали и побежали к себе в одиннадцатую казарму. С тех пор в школе ни с кем у меня действенных конфликтов не было.

Почему так сложилось – объяснить трудно, но все "пацаны" и "бегающие", то есть воры, проживали и собирались на втором этаже казармы. На перекрестке коридора почти всегда стояла плотная кучка парней в кепочках-восьмиклинках, о чем-то негромко переговаривающихся. Проходящим с опаской мимо было неслышно содержание отрывистой беседы, но

Такая
Наша доля мужская...

Но далеко не все застолья проходили келейно – по каморкам. По праздникам, а отмечали дружно все красные дни календаря, гуляние выплескивалось из казарменных комнат и закутков на пересечение коридоров, и тогда пьяно пело и плясало все население казармы. Не обходилось здесь и без знакомств и романов с самыми юными представительницами слабого пола. Лет тринадцати-четырнадцати. Малолеток никто не боялся и они с отзывчивостью шли навстречу желанию. Часто бескорыстно, но бывало и с корыстью. На третьем этаже жила Зойка "Шаромыга" – скуластенькая девчонка. Она, когда мать была на фабричной смене, приглашала к себе домой, на палаты (а каждая комната казармы, кроме низких комнат первого этажа, была снабжена палатами) своих сверстников за десять копеек "за удар", чтобы заработать "на кино" во Дворец культуры и посмотреть "Кубанские казаки". Были экземпляры этой профессии и постарше. "Решник" Иван Синеца часто сиротливо жался к косяку подоконника и приятели понимающе звали его:

– Что, опять Онька принимает? Пойдем к нам в комнату.

Онька (восемнадцатилетняя Онисья, жившая в комнате вместе с братом) после смен на прядильной фабрике уединялась с каким-нибудь мужиком. Условия были известны: бутылка "Московской", а не "сучка" (как называли владимирскую водку), закуска и трешница. Вид сестры Ивана, походка, постав головы и высокая грудь привлекали меня, и Маршаня, заметив мой взгляд в ее сторону, не раз предлагал:

– Иди! Я деньги дам и договорюсь! Обслужит.

Но я не мог преодолеть свою стыдливость. Весной для казарменной шпаны наступала пора разгула – "гоняли торфушек". К городскому стадиону "Красное знамя" примыкал железнодорожный тупик, а рядом с ним брала начало узкоколейная железная дорога с почти игрушечными паровичками и вагончиками, на которых возили торф и людской состав с торфоучастков. В тупик приходили четырехосные вагоны с вербованными для работы на торфоучастках молодыми женщинами. Те, перед распределением по рабочим местам, кипятили в баках и тазах воду,

стирали и сушили белье – как могли, приводили себя в порядок. Торфушки все, как на подбор, были плотными, голенастыми. Наверное, подбор при вербовке и был: попробуй тонкая худосочная девичка копошиться в болотной жиже – тут же отдашь концы. Охраняли торфушек от возможных посягательств здоровые мужики – по паре на вагон – "коблы". Задача казарменной шпаны – была забросать торфушек камнями, загнать в вагоны, и при удаче сорвать с веревок их пестрые сушашные платья, которые потом можно, по случаю, и продать. Коблы защищали своих подопечных. Закрываясь от камней крышками тазов как щитами, они бросались на нападавших с толстыми дрынами, и горе было тому, кого доставал удар такой "палицей" – были поломанные руки, ноги и пробитые головы. Милиция знала, что происходит подобное каждый год, но приезжала тогда, когда жертвы со стороны казарменных уже были. Может, сознательно, чтобы дать шпанятам задуматься о следствиях разгула.

Венцом казарменного преуспеяния была поездка после удачного воровского дела на футбол на "Динамо" в Москву. Причем, ехали не только подельщики, но и друзья, чтобы участвовать в действенном триумфе. Гуляли в Москве по всей программе – не пропускаясь ни буфеты над трибунами стадиона, ни, если везло, со свободными местами и швейцар был отзывчивым, ресторан "Динамо", что находился тогда под Южной трибуной. Обязательным и конечным пунктом был шалман "Нарва" на углу Цветного бульвара и Садового кольца. Кто из ореховцев избрал этот небольшой ресторанчик с оркестриком – история умалчивает. Но думаю, что там бывали "свои" по духу и профессии москвичи – из Марьиной Рощи, от Курского вокзала, с Таганки. И это определило место посещения. Долго потом в коридорах казармы звучали рассказы, как Бадай оттянул "этого фраера с Роши", а Максим "зафоловал Красючку со Сретенки". Маршаня вообще ходил в героях: обсчитал халдею – не заплатил за дополнительный графин водки.

Вот такой тайный для того времени "багаж" сидел во мне. Жаль, что до сего дня я только частично нашел применение ему в своих фильмах, но, надеюсь, буду впредь его использовать.

● Л.Марьягин. 1952 год

● Маршаня и Иван Синеца. 1950 год

своей, допущенный в кучку, мог с точностью до часа узнать, кого и где разделит, когда взяли сельмаг, и сколько тюков ворованного товара с красивой фабрики сегодня продали молдавским продавцам фруктов с рынка. Разглашения не боялись – виновника резали в темном тамбуре подъезда. Это было проверено и рисковало ни за какие блага, даже за прописку в городе, никто не хотел. К вечеру совершившие удачное дело готовили загул: покупалась "московская" с белой сургушной головкой, лимонад или большой бидон пива и кольца ливерной колбасы "собачья радость". Все это выкладывалось на галдарейку на кухне.

Приходили уважаемые люди. Маленький, с крутым лбом и крутой грудью, курносый и задранный Маршаня, мрачный Бадай. Иногда жаловал и сам Костя Коновалов – он был вором в законе, единственным среди присутствующих. Кто-нибудь обязательно притаскивал ему табурет, но Костя не садился, а ставил на табуретку ногу в начищенном хромовом сапоге. Он один по воровским тогдашним меркам не работал, а значит, был полноценным вором. Остальные "бегали" и работали – прописка вынуждала. Неработающего – выписывали даже со ста первого километра. Правда, специальность рабочая у всех воров была одна – возильщики, которые по переходам с фабрики на фабрику катали тележки с пряжей, шпулями, суровьем – "ришки" Подмосквоя.

Собравшиеся выпивали по граненому стакану, звали Максима с гитарой и начиналось соревнование: кто кого перепоет. Частушки были забористые, в основном, матерные. Тот, кто иссякал последним, получал стакан водки. Я был допущен на эти сборища и удивлялся собравшихся тем, что водка попервоначалу на меня не действовала, "не брала".

Ребята из казармы помоложе еще не "бегали", но уже "подворовывали". В соседнем с казармой доме жил плотник Митька. Мужик материал двусторончатые шкафы, которых не было в продаже, "гардеробы" – называло их местное население. Для кустарного производства нужны были доски – тридцатки или сороковки – и фанера. Материал этот имелся на складе, расположенном вдоль железной дороги. Склад охранялся слабо – один сторож кругами обходил немереную территорию. Нужно было уловить момент, когда страж уйдет на дальний конец склада, взвалить на плечо доску и исчезнуть. Митька за материал платил деньгами или накрывал у себя дома стол. Пили, закусывали кислой капустой и пели под патефон утесовское:

Мальчик в поход ушел с кораблем.
Завтра придет лихим моряком.

Экран и сцена